

КОМНАТА ДЛЯ БОГА

18+

Ани Еганян

18+

Ани Еганян

Комната для Бога

<https://litres.ru/74632832>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять незнакомцев. Шесть дней. Одно правило, которое нельзя нарушать.

Высоко в заснеженных Альпах стоит роскошный комплекс, куда приезжают люди, желающие навсегда избавиться от своих страхов.

Здесь не задают вопросов. Не называют настоящих имён. И никогда не открывают дверь, на которой нет номера.

В первую же ночь каждый получает конверт с необычным посланием.

А утром становится ясно: некоторые правила написаны вовсе не для того, чтобы их соблюдали.

За окнами бушует снежная буря. Связи с внешним миром нет. И чем отчаяннее гости пытаются понять происходящее, тем страшнее становится правда.

В этом доме Бог молчит. Но кто-то очень убедительно говорит от его имени.

Ани Еганян

Комната для Бога

КОМНАТА

ДЛЯ БОГА

Ани Еганян

Криминальный хоррор · психологический триллер

18+

ПРОЛОГ. ПОКА НЕ ОТКРОЮТ

София Берг умела умирать. На сцене она делала это семь раз: от чахотки, от яда, от любви, дважды от огнестрельного ранения и однажды от старости, которой не успела приобрести. Последняя смерть получалась хуже прочих. Зрители видели двадцатисемилетнюю женщину под слоем театрального грима и с вежливым терпением ждали, когда она перестанет притворяться восьмидесятилетней.

Сегодня ей предстояло сыграть смерть без зрителей.

— Когда я могу подняться? — спросила она у мужчины в серой униформе.

Он стоял у двери служебной галереи с планшетом, прикрывая экран от посторонних глаз, которых здесь не было.

— После сигнала. Сколько вы сможете просидеть не двигаясь?

— Пока не затекут ноги. Вы ведь понимаете, что я актриса, а не музейный экспонат?

Мужчина не улыбнулся. На бейджике значилось: «ТЕХНИЧЕСКАЯ СЛУЖБА». Имени не было.

Белое платье висело на гвозде среди проводов и пустых картонных коробок. София провела пальцем по шву: дешёвая машинная строчка, стянутая в нескольких местах. Платье изображало роскошь так же, как весь этот комплекс изображал монастырь. Красивая ложь по очень высокой цене.

Впрочем, ей платили достаточно, чтобы она не задавала лишних вопросов. В контракте значилось «иммерсивная демонстрация реакции на символическую утрату». Подписывая его, София уточнила, не собираются ли запираить её в гробу. Ей ответили, что все испытания безопасны. Она запомнила не ответ, а интонацию: раздражённую, словно осторожность была проявлением дурного воспитания.

— А если кто-то подойдёт и потрогает меня?

— Не подойдёт. Участники обучены соблюдать дистанцию.

— А если подойдёт врач? Среди них есть врач.

Мужчина взглянул в планшет.

— Мы предусмотрели и это.

Он ушёл. София осталась в коридоре, где работал один аварийный светильник. За дверью часовни были расставле-

ны белые фарфоровые маски — без ртов, с гладкими овальными впадинами вместо глаз. Одна стояла на высоком стуле. В ней можно было увидеть образ святой, если очень хотелось. Если не хотелось — вещь, с помощью которой делают из живых людей мебель.

София примерила платье. Подкладка пахла пылью и утюгом. Ей вспомнилась мать: та была портнихой и всегда говорила, что хороший костюм не должен мешать дышать. Этот мешал. Горловину слишком туго подогнали под маску.

Из-за перегородки донёсся голос Виктора Фелла. София слышала его впервые за день, но узнала мгновенно: спокойный баритон, который на лекциях обещал вылечить страх, пока аудитория сама не начинала бояться его разочаровать.

— Никаких неожиданностей, — сказал он кому-то. — Мы проверяем выбор, не причиняем вреда.

Софии захотелось выйти и попросить повторить эту фразу при свидетелях.

Вместо этого она поправила воротник, наступила на край подола и едва удержалась за перила. Каменная ступень под ногой была влажной. В коридоре пахло отбеливателем.

Сверху прозвучал тихий металлический щелчок. После него раздался первый удар колокола.

— Осталось семь минут, — сообщил вернувшийся техник.

София увидела, как тень от его головы скользнула по стене. Семь минут до начала спектакля, который никто не дол-

жен был принять за спектакль.

Она подумала, что утром обязательно потребует оплату за сверхурочные.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕСЯТЬ ИМЁН

ГЛАВА 1. ДОРОГА ОБРЫВАЕТСЯ

К полудню снег перестал быть погодой и превратился в обстоятельство. Сначала он лежал на елях пышными шапками, потом затягивал дорожные знаки, затем поглотил целый поворот, и Маре Кесслер пришлось попросить водителя сбросить скорость.

— Вы всегда так ездите? — спросил тот.

— Как?

— Смотрите на дорогу, будто сейчас случится авария.

— Иногда это помогает её избежать.

Водитель промолчал. На его руке блестело толстое обручальное кольцо. Он вёз Мару из маленького вокзального городка по дороге, которую местные называли «лестницей»: каждый новый подъём казался последним, пока за ним не открывался следующий. Навигатор давно потерял сигнал. Вместо карты водитель сверялся с оранжевыми столбиками у края обрыва.

Комплекс появился внезапно. Низкое бетонное здание, пристроенное к скале, и узкая башенка над часовней. Ни вывески, ни рекламных флагов, ни улыбчивых служащих у вхо-

да. На стеклянной двери белыми буквами было выведено одно слово: «ТИШИНА».

— Завтра сюда не проедут, — сказал водитель, выгружая чемодан.

— Почему?

Он кивнул на склон над дорогой.

— Ночью будет сильный снег. Они закрывают подъезд, когда опасно.

Когда Мара спустилась за горячей водой, у стойки регистрации уже никого не было. Только компьютер за матовым стеклом и блестящий колокольчик, который не издавал звука: язык вытащили, оставив пустую полость. Она нажала на него раз, не ожидая ответа, и в пустом холле услышала стук собственного ногтя о металл.

На стойке стояла табличка: «Если требуется помощь, сообщите о своём состоянии письменно». Под ней лежал карандаш, привязанный бечёвкой. Мара написала: «Есть ли в здании врач и доступная связь для экстренного вызова?» Бумагу положила в узкое окно приёмника. Через несколько минут она вернулась проверить, забрали ли записку. Записка исчезла. Ответа не было.

Это напомнило ей ту ночь в базельской больнице, когда система распределения коек зависла на несколько минут и дежурная медсестра в отчаянии записывала фамилии пациентов на обороте медицинского плаката. Тогда никто не стал ждать, пока компьютер объяснит порядок действий. Мара с

коллегами открыла процедурную, позвала вторую бригаду и приняла двоих одновременно. Но память сохранила другую картину: пациента, который умер позднее, уже в палате. Она знала, что причинная связь не доказана. Мозг всё равно требовал признать: из двух решений одно непременно было неправильным.

В «Тишину» она приехала потому, что врач-психотерапевт когда-то произнёс: «Вы не обязаны контролировать все обстоятельства». Мара тогда обиделась. Ответственность казалась не болезнью, а единственным средством не стать равнодушной. Она надеялась услышать здесь практические слова, но в брошюре находила лишь красивые существительные: присутствие, доверие, освобождение.

По дороге обратно Мара встретила девушку с бумажным стаканом. Та улыбалась, несмотря на явно неудобные новые туфли.

— Вы тоже впервые? — спросила девушка.

— Да.

— София. Я ужасно волнуюсь. Когда они велят молчать, мне обязательно хочется смеяться.

Мара ответила, что смех полезнее многих предписаний. София рассмеялась немедленно. В этот момент она выглядела совершенно живой, неприлично юной для такого дорогого печального места. Позднее Мара будет вспоминать именно этот короткий разговор — не как загадку, а как доказательство того, что прежде чем стать первой смертью, София

успела побыть случайной знакомой с неразношенными туфлями.

— А если кому-то понадобится уехать?

Водитель посмотрел на неё с удивлением.

— Обычно сюда приезжают, чтобы остаться.

Мара запомнила ответ, потому что он звучал как реклама места, которому не стоило доверять.

Ей было тридцать восемь, и последние одиннадцать лет она работала врачом экстренной помощи в Базеле. Когда она сказала коллеге, что покупает курс «освобождения от навязанной ответственности», тот долго смеялся. «Ты едешь учиться не спасать каждого встречного? Возьми с собой список противопоказаний». Она не рассмеялась. После дежурства, на котором пришлось одновременно выбирать между двумя тяжёлыми пациентами, она шесть месяцев просыпалась от одного и того же сна: две двери, за которыми кто-то зовёт её по имени. Открывает одну — за второй становится тихо.

Она не искала здесь чудес. Она искала возможность однажды заснуть без этого сна.

Внутри пахло кедром и горячим камнем. Женщина в чёрной одежде попросила паспорт, показала комнату и вернула документы в маленьком плотном конверте. Персонал двигался бесшумно. Нигде не было зеркал, даже в холле, где они казались частью дизайна. Мара заметила, что стены нарочно сделаны чуть неровными: взгляд не находил гладкой поверх-

ности, способной отразить лицо.

За панорамным окном висели облака. Слева за стеклом белела часовня. В её высоком узком окне стояла женщина в светлом. На миг Мара решила, что та смотрит на прибывающих; затем белая фигура отошла от стекла.

В комнате вместо телевизора висела деревянная табличка: «СОМНЕНИЕ — ПЕРВАЯ ДВЕРЬ».

Внизу мелкими буквами добавили: «Не открывайте вторую раньше времени».

Мара положила на кровать сумку. Она взяла с собой мало вещей: смену одежды, фонарь, аптечку, книгу, которую давно хотела дочитать. Дверь в ванную оказалась без замка. На месте зеркала висело непрозрачное стекло, за которым угадывался светильник. Она тронула его пальцем. Холодное.

На прикроватном столике лежал лист с программой: встреча, ужин, обет молчания, первая практика, отдых. В самом низу значилось: «Обратите внимание: в редких случаях интенсивные занятия способны вызвать болезненное чувство ответственности. Пожалуйста, не сопротивляйтесь переживанию».

Врачебная часть Мары восстала против этой фразы. Болезненное чувство ответственности не было побочным эффектом, который следовало приветствовать.

Она хотела задать вопрос администратору, но коридор уже опустел. Лишь со стороны служебной галереи донёсся короткий стук — словно кто-то переставлял тяжёлую ме-

бель.

На ужин созывали в шесть. До него оставалось два часа. Мара подошла к окну и увидела, как на дороге, по которой она приехала, исчезают следы шин. Снег работал молча, методично, будто засыпал чью-то попытку доказать, что сюда вообще можно добраться.

ГЛАВА 2. ЧУЖОЕ ИМЯ

За длинным столом сидели девять человек. Десятый стул пустовал, и Мара не сразу поняла, что его оставили для неё. У каждой тарелки лежал белый конверт, на котором было напечатано имя гостя. Над столом висел светильник в форме перевёрнутой чаши. Он освещал лица и оставлял стены темнее ночи.

Слева от Мары устроился седой мужчина с прямой осанкой. Он представился Эмилем Хартманном, бывшим судьёй, и произнёс «бывшим» с видом человека, который готов уточнить юридический смысл этого слова. Напротив сидела худощавая женщина с короткими тёмными волосами — Аида Новак, переводчица жестового языка. Она приветствовала Мару движением ладони, а затем произнесла своё имя вслух, словно объясняла это движение.

Ирис ван Дейк, художница по костюмам, с любопытством ощупывала ткань салфетки. Люциан Ферри занял место ближе к выходу и уже успел пожаловаться, что в дорогом отеле ему предложили не вино, а тёплую воду. Томас Райтер, широкоплечий инструктор горной безопасности, смотрел в ок-

но и отсчитывал секунды между порывами ветра. Лена Марлоу, режиссёр документальных фильмов, изучала столовые приборы так, будто подозревала в них скрытые микрофоны. Йонас Клее, звукорежиссёр, прижал ладонь к деревянной спинке и произнёс: «Здесь странная реверберация». Кто-то улыбнулся.

Последней вошла Нина Сорель — женщина лет сорока четырёх, с собранными у затылка волосами и глазами, которые не задерживались на лице слишком долго. Она извинилась, что опоздала: помогала сотруднице поднять корзину с бельём.

— Вы одна из организаторов? — спросил Люциан.

— Нет. Я медиатор. Сюда приехала отдыхать от чужих споров.

Она улыбнулась так, что Люциан, уже готовивший язвительный ответ, промолчал.

Десятую участницу, Софию Берг, представили немного позже: молодая актриса с ярко-рыжими волосами, в тёмном платье и с обкусанным ногтем большого пальца. София села последней, будто боялась занять слишком много места.

Виктор Фелл появился без предупреждения. Высокий, сухой, в простом костюме, он не походил ни на священника, ни на гуру. Скорее на университетского преподавателя, который давно устал объяснять очевидное. Он не предложил гостям вставать.

— Вы приехали не за спокойствием, — сказал он. — Спо-

койствие легко купить. Вам хочется больше никогда не спрашивать разрешения быть собой.

Мара вспомнила сон с двумя дверями и поймала себя на том, что слушает.

— Первые сутки мы будем работать с ответственностью. Не с вашей собственной — с чужой. Поднимите конверты.

Внутри каждого лежала карточка с чужим именем. Маре досталась Аида. На обороте: «Её безопасность доверена вам. Ваше непослушание может причинить ей непоправимый вред».

— Это метафора? — спросила Лена.

— Пока вы называете метафорой всё неудобное, вам не придётся ничего делать, — ответил Фелл.

Эмиль поднял руку.

За столом познакомились неохотно. В рекламной брошюре обещали, что на ретрите не придётся объяснять себя незнакомцам, и теперь люди словно проверяли, сколько можно скрыть за приличным кивком. Люциан первым нарушил сдержанность: перевернул карточку с именем, оценил плотность бумаги и спросил, включено ли в стоимость вино.

— За такие деньги вы могли бы налить хотя бы плохое, — заявил он.

— Возможно, здесь считают алкоголь разновидностью несвободы, — сказала Лена.

— Тогда пусть вернут мне половину взноса.

Томас усмехнулся. На его руках были старые шрамы,

обычные для человека, который часто работает с верёвкой и железом. Ирис смотрела на столовую, а не на гостей: её интересовали пропорции зала, расстановка света и белые тканевые полосы над окнами. Эмиль поправлял салфетку с педантичностью, которая могла быть и привычкой, и попыткой успокоиться. Йонас простучал ногтем по бокалу и заметил, что звук глуховат: в стенах спрятаны звукопоглощающие панели.

— Вот уж человек не может просто выпить воды, — сказала Лена.

— Я могу, — ответил Йонас. — Но тогда зачем мне уши? Аида приветствовала всех коротким движением ладони. Её жест был точен, без театральной торжественности. Мара вспомнила, что в анкете упоминался переводчик жестового языка. Когда позднее Аида пыталась говорить без голоса, это уже не казалось чудом: у неё просто была профессия, которой остальные не догадались воспользоваться.

Нина пришла последней из тех, кого Мара успела рассмотреть. На ней были простые тёмные брюки и шерстяной свитер. Она помогла Эмилю расправить застрявшую под прибором бумагу, предложила Ирис переставить стул подальше от сквозняка и спросила Софию, не нужен ли пластырь для натёртой пятки. Никто её об этом не просил, но все благодарили. Через десять минут Нина уже знала, кому налить воды, кто любит сидеть спиной к стене и кто боится, что его заставят говорить о личном при незнакомцах.

Когда Виктор поднялся для приветствия, Люциан демонстративно спрятал телефон в карман. Доктор сделал вид, что не заметил. Он говорил медленно и без бумажки, тщательно отделяя каждую фразу паузой. У хорошего оратора пауза приглашает слушателя подумать. У Фелла она, казалось, требовала согласия до следующего слова.

— Вы приехали добровольно, — сказал он. — Добровольность будет проверена.

— Кто проверит проверяющего? — спросила Лена.

Виктор улыбнулся, будто вопрос был предусмотрен и заранее внесён в сценарий.

— Тот, кто научится не бояться собственного ответа.

Мара заметила, что он не ответил. Но за столом уже несколько человек кивнули. Иногда непонятность звучала убедительно именно потому, что её стыдно признать непонятностью.

— Я хотел бы обменять карточку. Мне выпал человек, о котором я ничего не знаю.

— Именно поэтому вы не сможете убедить себя, что его жизнь менее значима.

— Но ответственность предполагает полномочия.

— А бывает, что не предполагает. Вам как бывшему судье это, вероятно, знакомо.

За столом стало тихо. Не из уважения — от легкого удивления тем, как много Фелл знал о них.

Нина наклонилась к Эмилю:

— Может быть, вам и не нужно пока всё контролировать. Иногда достаточно знать, что другому страшно.

Эмиль медленно положил карточку на скатерть. На секунду Мара почувствовала благодарность к Нине: та сняла напряжение так естественно, как опытный человек распутывает узел.

Фелл зажёл настольную лампу у стены. На ней стояли десять неглубоких чаш из белого фарфора.

— У каждого человека здесь есть другой человек, — сказал он. — Замкнутая цепь. Если вы думаете, что можете уйти, не затронув никого, попробуйте представить, что делает с кругом одна разорванная петля.

Люциан фыркнул, но конверт положил в карман пиджака. Остальные сделали то же самое.

Мара заметила, как София взглянула на свои ладони. Девушка выглядела не напуганной — напряжённой, как актриса перед выходом на сцену. Их взгляды встретились. София быстро отвернулась.

Фелл произнёс:

— После ужина мы отдадим телефоны. И до утра перестанем говорить. Кто-то почувствует свободу. Кто-то — ярость. И то и другое нормально.

— А если нам понадобится помощь? — спросила Мара.

— У нас есть медицинский протокол.

— Я спрашиваю об экстренной связи.

Виктор посмотрел на неё внимательнее, чем на прочих.

— Вы ещё не начали, доктор Кесслер. А уже ищите причину сделать исключение.

— Я ищу путь к больнице.

— Он предусмотрен.

Мара решила потребовать подробностей после ужина. Позже ей будет стыдно именно за это слово — «после».

ГЛАВА 3. ОБЕТ

В холле поставили десять металлических ящиков, похожих на сейфы в банке. Каждому выдали ключ. Телефоны, часы с доступом в сеть, планшеты запирали лично владельцы; сотрудники не брали вещи в руки. Это выглядело как забота о приватности и потому тревожило Мару сильнее, чем обычный запрет.

Она проверила, есть ли в телефоне сигнал: одна слабая полоска появилась и исчезла. Попытка отправить сообщение не удалась. Мара положила устройство в ящик. Щелчок дверцы показался слишком громким.

Перед входом в зал практик Фелл остановил участников.

— Правил четыре. Не говорить. Не смотреть в зеркала. Не читать чужие инструкции. Не входить в помещение без номера, как бы сильно вам этого ни хотелось.

— Что за помещение? — спросил Томас.

— Вы его узнаете.

На первой практике участники сидели в полукруге, глядя на одинокую чашу в центре. На каждой спинке была закреплена новая карточка. Мара прочитала свою: «Не допускайте

Аиду Новак к часовне до следующего колокола». Ни причины, ни подписи.

Аида через два места прикоснулась к собственному конверту. Подняла брови и медленно открыла ладони вопросительным жестом. Эмиль тут же указал на изображение пережёкнутых губ у двери. Аида перестала двигаться.

Сначала запрет на речь казался простой терапевтической техникой. Гостям предложили оставить друг другу по короткому пожеланию, затем прозвучал мягкий удар гонга, и всё смолкло. Но скоро тишина стала не отдыхом, а способом распределять власть. Кто-то уронил вилку и не осмелился попросить новую; Йонас протянул Эмилю салфетку, но тот принял жест за требование убрать стол. Люциан раздражённо стукнул пальцем по пустому стакану, и три человека одновременно повернулись к нему с укором.

Мара заметила, что молчание не было одинаковым для всех. Одним оно позволяло отказаться от неприятного разговора. У других отнимало возможность объяснить ошибку. Особенно у Софии: девушка постоянно начинала какую-то фразу и кусала губу, обрывая её на полуслове. Аида, напротив, выглядела спокойнее. Руки её двигались с привычной уверенностью, но люди отворачивались, как только она пыталась обратиться к ним жестами.

Перед дверью часовни на полу начертили белую полосу. По ту сторону висела ещё одна табличка: «Не входить, пока приглашение не прозвучит». Томас проверил её пальцем —

оказалось, это обычная театральная краска, которая слегка пачкала кожу. Он показал испачканный палец Йонасу. Тот улыбнулся. Эмиль немедленно сделал знак, чтобы оба убрали руки, хотя ни один запрет не касался краски.

Ирис сидела у окна и смотрела на висящие в часовне полотнища. Когда над ними проскользнул свет, она поняла, что ткань специально пропитали веществом, делающим складки жёстче. Ни один настоящий старый обряд не нуждался бы в таких свежих, безукоризненно ровных складках. Она записала слово «бутафория» на своей салфетке, затем зачеркнула. Здесь было слишком легко почувствовать себя дерзкой и смешной.

Позже в коридоре кто-то оставил второй конверт. На нём не было имени, только знак солнца с тремя лучами. Внутри Мара прочла: «Если твой подопечный заговорит, немедленно останови его. Иначе ответственность за потерю будет твоей». Она узнала имя Аиды на обратной стороне чужой карточки и вдруг почувствовала, как письмо заставляет её следить за человеком, которого она едва знает. В конверте не было наказания, доказательства, подписи. Но была фраза, превращавшая простое наблюдение в моральную обязанность.

Мара хотела порвать бумагу, однако остановилась: а если правила действительно связаны с безопасностью людей? Она спрятала конверт в карман. Первый шаг к ловушке состоял не в слепой вере. Он состоял в коротком «а если», которое

оказалось сильнее того, что она видела собственными глазами.

Йонас поёрзал на стуле. Он был из тех людей, для кого тишина не отсутствие звука, а шум, которому дали свободу. Через три минуты он невольно прочистил горло и поспешно прикрыл рот.

Фелл ходил между ними, не касаясь плеч.

— Вы заметите, — произнёс он, — как быстро начнёте следить друг за другом. Не осуждайте себя. Назовите происходящее своим именем: страх.

Он вышел. Дверь закрылась без звука. Некоторое время все действительно молчали. Затем Люциан поднёс свою карточку к лампе, словно искал водяной знак. Нина осторожно опустила его руку. Он сердито посмотрел на неё, но бумагу убрал.

Мара пыталась думать о том, зачем она приехала, и всё время возвращалась к Аиде. Та сидела ближе других к выходу в часовню. Если она встанет и пойдёт туда, должна ли Мара остановить её физически? Разумеется, нет. Бумажка не давала никаких полномочий. Но почему тогда у неё внутри шевельнулось раздражение при мысли, что Аида может нарушить запрет?

Она разглядела Эмиля. Тот уже не смотрел на чашу; следил за Леной. Значит, ему выдали имя Лены. Мара ничего об этом не знала, но молчаливая пристальность выглядела как предостережение.

В конце часа автоматический свет погас на пять секунд. В темноте раздались испуганные вдохи. Когда освещение вернулось, на полу рядом с чашей лежал лист: «Первое испытание пройдено. Не каждый услышал собственное сердце».

Йонас потянулся к бумаге. Ирис остановила его двумя пальцами и указала вверх. На потолке едва различалась небольшая камера.

Фелл вернулся, поздравил их и предложил разойтись по комнатам. Мара направилась к Аиде, желая объяснить, что не намерена её контролировать. Но в конце коридора стоял сотрудник, а перед ним висело правило о молчании. Мара подняла обе ладони, будто извинялась. Аида тихо фыркнула и обвела воздух указательным пальцем — «круг». Затем показала на потолок.

Мара решила, что поняла. Цепь наблюдения.

Позже она узнает, что Аида пыталась сказать другое: круг можно разорвать не голосом, а рукой.

ГЛАВА 4. НЕВИДИМЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Ночью Мара проснулась от собственного имени.

— Мара, — тихо произнёс мужской голос из стены. — Сколько раз вы выбирали, кому жить?

Она села. Рядом с дверью под потолком горела зелёная точка. Это был динамик, а не человек. Мара включила свет, но голос продолжал, безупречно вежливый:

— Вы считаете, что решение становится правильным, если принимаете его достаточно быстро. Вы боитесь остано-

виться, потому что тогда услышите тех, кого не успели спасти.

Она помнила эти слова. Почти дословно записала их в анкете. На последней странице её просили описать сны, которые повторяются чаще других. Казалось, документ предназначен для психолога. Теперь выяснялось, что его читали на репетиции чужого спектакля.

Мара поднялась и нажала кнопку вызова у двери. Ничего не произошло. Ещё раз. Лампочка сменила цвет на жёлтый. Голос умолк.

Снаружи раздался бег. Не тяжёлые шаги охраны — короткая стремительная дробь, как у человека, который опаздывает. Мара распахнула дверь и увидела пустой коридор. На дальнем повороте мелькнул край белой ткани.

Она пошла за ним, босая по тёплому полу, и дошла до развилки. Над левым крылом висела табличка «ГОСТЕВЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ». Над правым — ничего. Там, за поворотом, стояла плотная чёрная дверь без ручки снаружи. На полу перед ней светлела полоска соли или мелкого гипса.

Один из людей технической службы вышел сбоку, перекрывая дорогу.

— Вам следует вернуться, — сказал он.

Динамик после первого обращения к Маре не замолчал. Он перешёл на другие комнаты, и стены санатория начали говорить голосами живых людей. Сначала слышалось признание об излишнем доверии, затем чей-то смешок, затем

фраза «Я бросила человека, который просил меня остаться». Орывки звучали неестественно интимно. Их словно вытащили из середины разговоров, а начало и конец выбросили за ненадобностью.

Мара вышла в коридор и увидела Люциана, сидящего на полу возле чужой двери. Он закрыл уши руками.

— Они взяли из анкеты мой ответ про брата, — сказал он, забыв об обете. — Я написал это один раз. Ни с кем не говорил. Откуда они знают?

— Из анкеты, — ответила Мара.

— Не смешно.

— Я не шучу. Сам ответ ты только что назвал.

Он хотел рассердиться, но вместо этого уставился на неё, будто она предложила слишком обыденное объяснение чему-то красивому и ужасному.

В соседней двери щёлкнул замок. Лена выглянула, держа в руке карандаш. Она успела переписать четыре фразы из динамика и теперь сравнивала их с формулировками соглашения, подписанного в день приезда. В нём значилось «использование ответов участников в учебных сценариях». Лена показала этот пункт Маре. Оба слова — «учебные» и «сценарии» — вдруг стали опасными.

— Из этого можно сделать почти всё, — прошептала Лена. — Письменное разрешение они получили. Только кто дал им право превращать его в страх?

Внизу хлопнула дверь. Через минуту по лестнице подня-

лась Нина и, не повышая голоса, попросила всех вернуться в комнаты. Она говорила с ними как с людьми, которых застала во время землетрясения: плавно, уверенно, с понятной целью. Мара заметила, как быстро Люциан подчинился. Лена спрятала записи. Сама Мара осталась на площадке, пока Нина не подошла к ней.

— Ты должна помнить, что чужие реакции тоже хрупкие,
— сказала Нина.

— Я хочу знать, кто включил запись.

— Мы узнаем. Утром. Когда сможем думать спокойно.

Она была права в одном: человек под действием страха действительно хуже рассуждает. Но в её совете было кое-что ещё — предложение отдать ей право решать, когда именно наступит время для вопросов. Мара не услышала этой второй части. Ей очень хотелось, чтобы хоть кто-то в здании обладал ясностью.

— В моей комнате включается голос, который читает медицинскую анкету. Я хочу поговорить с доктором Феллом.

— Утром будет общая сессия.

— Я не подписывала согласие на ночную аудиотрансляцию.

— Подписали. Это пункт семь приложения.

Мара знала, что, вероятно, так и было. Они прислали ей сорок страниц условий, где каждое страшное решение можно было спрятать между пунктами о конфиденциальности и аллергенах.

Позади послышался звук босых ног. Лена появилась в коридоре со сложенным вдвое листом. Она показала его Маре, закрывая текст ладонью от охранника. На листе было написано: «Они знают то, что мы указали сами».

Охранник жестом потребовал убрать записку.

Мара не успела решить, что сказать, потому что где-то над потолком прозвучал удар колокола. Ему предшествовал короткий металлический щелчок — такой, какой бывает, когда включают старую аудиозапись. Все трое одновременно подняли головы.

— Вернитесь в комнаты, — повторил охранник, и на этот раз в голосе не было ни спокойствия, ни власти. Только просьба человека, который не хочет оказаться виноватым.

Лена скомкала бумажку. Мара посмотрела на узкую дверь. Из-за неё донеслось приглушённое «осторожно», за которым последовал резкий стук.

Она шагнула вперёд. Охранник выставил руку.

— В техническом крыле работают, — сказал он. — Вам нельзя туда.

Движение было уверенным, но на его пальцах дрожали капли пота. За спиной Мары ещё раз ударил колокол.

Она вернулась в комнату, села на кровать и впервые за много месяцев не смогла вспомнить свой сон. В голове стояла другая картина: чужая рука перед дверью, за которой кому-то могла понадобиться помощь.

ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ ЗВОН

К утру София не пришла на завтрак. Её стул остался пустым, но приборы лежали на месте, а в фарфоровой чаше была налита вода. Фелл на вопросительные взгляды гостей ответил, что сегодня их ждёт практика утраты.

Рядом с тарелкой Мары лежало новое предписание: «Если Аида приблизится к часовне, удержите её. Иначе будет утрачено то, что нельзя вернуть».

Аида получила собственное указание и сразу побледнела. Нина положила ладонь ей на запястье; та благодарно кивнула. Эмиль приклеил свою бумажку к столешнице ребром мокрого пальца и выпрямился так, словно выполнял служебное поручение.

Томас встал, направился к стеклянной двери во двор и обнаружил её закрытой. На табло рядом с замком горело: «ЛАВИННАЯ ОПАСНОСТЬ». Снаружи ветер кружил плотную белую стену. Он проверил створку ещё раз, затем вернулся, пожав плечами: погода действительно была опасной.

— Всё в порядке, — сказал Фелл. — Спасательные службы информированы о состоянии перевала.

Люциан усмехнулся и произнёс:

— Тогда пусть они заодно сообщат, почему мы должны завтракать в тишине.

Фелл положил указательный палец к губам. Не произошло ничего, но люди посмотрели на Люциана с таким ужасом, будто он вынул из кармана нож.

В десять колокол ударил трижды. Перед каждым ударом

Йонас слышал одинаковый щелчок. После третьего на стене зажглась надпись: «ПРОЙДИТЕ ТУДА, ГДЕ СКОРБЯТ».

Гости ждали объяснения исчезновения Софии молча, хотя обет уже никто не соблюдал по-настоящему. Люциан предположил, что девушка ушла ночью в город. Томас без издёвки спросил, каким способом она могла это сделать, если машина и верхняя тропа недоступны. Эмиль предположил, что её спрятали ради упражнения. Ирис вспомнила белую фигуру в часовне и впервые почувствовала, что её профессиональный интерес к костюмам может оказаться дурным предчувствием.

У входа в часовню лежал колокол для ручного звона. Йонас поднял его, повернул в ладонях и обнаружил, что язык обмотан тканью. Этот колокол не мог издавать тот тяжёлый звук, который звучал из стен. Он показал находку Виктору. Доктор отвечал не сразу, как будто проверял, подходит ли ответ к очередной главе опыта.

— Не всё, что выглядит источником звука, является источником, — произнёс он.

— Это верно, — сказал Йонас. — Поэтому я и спрашиваю, где настоящая акустическая система.

Виктор отвёл глаза.

Мара хотела войти, но группа образовала живую перегородку. Никто не держал её силой. Они просто стояли, не открывая проход, потому что каждый боялся стать человеком, из-за которого погибнет другой. Мара вдруг увидела,

насколько беспомощной может быть такая преграда: если бы на полу лежал пострадавший, ей пришлось бы расходовать драгоценные секунды, объясняя здоровым людям, почему нельзя ждать.

За дверью кто-то передвинул деревянный предмет. Звук повторился дважды, слишком методично для случайного движения. София могла находиться там, живая и испуганная. Мара потребовала пустить её внутрь. Нина отодвинулась первой, но попросила остальных не торопиться: мол, врач должна действовать без толкотни. Это снова прозвучало разумно. И снова именно Нина оказалась человеком, который распределил чужое поведение до того, как остальные успели что-нибудь решить.

Гости вышли в коридор. Никто не хотел быть первым. Эмиль жестами требовал построиться парами. Лена показала ему средний палец, затем быстро спрятала руку: даже эта мелкая дерзость теперь казалась слишком громкой.

Часовня находилась за аркой, вырезанной из серого камня. Двери были открыты настежь, но свет внутри не зажгли. Пахло воском и чем-то сладковатым — цветами, простоявшими несколько дней в тепле. На полу лежали двенадцать белых масок. Одну повесили на спинку высокого стула.

Томас оглянулся на Мару. Она поняла его без слов: это инсценировка. Взрослых людей запугивают дешёвыми театральными средствами. Он шагнул к креслу, и Эмиль немедленно схватил его за рукав, выставив свою карточку. Томас

оттолкнул руку — не грубо, но Эмиль побледнел.

Затем они увидели белое платье.

София сидела в дальней нише, как невеста, опоздавшая на собственную свадьбу. Руки были сложены на коленях. Лицо скрывала гладкая фарфоровая маска, подол темнел от влаги. Перед ней лежали десять конвертов.

Ирис застыла. Лена сделала движение к Софии. Эмиль перегородил дорогу обеим.

— Это уже не занятие, — сказала Мара вслух.

Она сама удивилась тому, как отчётливо прозвучал её голос.

Фелл появился у арки словно по сигналу. Его взгляд скользнул по женщинам, по Эмилию, остановился на Маре.

— Всякое нарушение влияет на группу, доктор.

— Отойдите.

— Сейчас вы должны выполнить предписанный порядок.

Мара не ответила. Она увидела под краем фарфора узкую полоску кожи и цвет, который кожа не приобретает от одной только неподвижности. София выглядела не как актриса, играющая смерть. Она выглядела как пациентка, к которой врач приехал слишком поздно.

ГЛАВА 6. БЕЛАЯ НЕВЕСТА

Мара сняла маску. Она сделала это быстро, потому что боялась собственной медлительности. Лицо Софии оказалось непривычно молодым без улыбки и движения. Губы были холодными, кожа сероватой; зрачки не отвечали на свет.

Её пальцы нашли шею. Она проверила дыхание, пульс, положение головы — привычную последовательность действий, которая в десятках других мест означала начало помощи. Здесь она обозначала конец.

— Она умерла, — произнесла Мара.

Ирис прислонилась к стене. Аида закрыла рот обеими ладонями. Эмиль перестал удерживать Томаса, но тот теперь не двигался.

Фелл подошёл на расстояние вытянутой руки.

— Позвольте персоналу провести необходимое, — сказал он.

— Когда её видели живой?

— Я не обсуждаю чужие медицинские сведения.

— Когда?

Он выдержал паузу, из-за которой любой профессиональный ответ стал невозможным.

— Сегодня ночью. Службы уведомлены.

— Кем? С какого телефона?

— Вы нарушаете процесс.

— Человек мёртв. Процесс закончился.

Но этого оказалось недостаточно. По взглядам остальных Мара поняла: ей верят и не верят одновременно. Они видели тело; они слышали врача. Однако неделю назад всем объясняли, что в рамках практики возможно переживание смерти, потери, даже собственной беспомощности. Произнести «это убийство» означало взять на себя ещё одну невыноси-

ую вещь — необходимость действовать.

Нина первой подошла к Маре и заговорила негромко:

— Ты можешь что-то сделать для неё сейчас?

— Нет. Для неё — уже нет. Для нас — вызвать полицию.

Они спорили возле тела так, будто громкость речи могла изменить установленный Марой факт. Люциан ругался, Эмиль повторял, что нельзя трогать предметы на месте «ритуального испытания», Томас требовал схемы эвакуации. В эту разноголосицу Виктор вставлял короткие фразы: «Службы уведомлены», «Не усугубляйте ситуацию», «Дайте процессу завершиться». Ни одну из них нельзя было проверить. Это придавало им удивительную власть.

Мара нашла у Софии тонкую царапину на запястье и след от недавнего прикосновения медицинской ленты. Эти подробности не объясняли смерть, но говорили о подготовке сцены другими людьми. Она отметила про себя температуру кожи, выраженные изменения и положение конечностей. Не стала называть точное время смерти: без экспертизы и термометра такое утверждение было бы шарлатанством. Вместо этого попросила чистое покрывало, недоступную гостям аптечку и немедленный вызов полиции.

— Доктор, — обратился к ней Виктор. — Вы рискуете травмировать остальных.

— Я не доктор философии, господин Фелл. Я знаю, что значит «позвать помощь».

— Мы действуем в рамках протокола.

— Покажите протокол.

Виктор впервые явно рассердился. До этой минуты он мог воспринимать её как раздражающий элемент сценария, теперь она требовала заменить декорацию документом, а внушение — проверяемым действием. Он велел сотруднику закрыть двери часовни.

Мара попыталась запомнить лицо мужчины, который послушался. Простая серая форма, коротко стриженные волосы, значок без имени. Впоследствии она расскажет следователю именно о нём. В тот момент ей было страшно, что из-за собственного спора она потеряет возможность вернуться к Софии. София уже умерла; но Мара всё ещё внутренне обращалась к ней как к пациентке, за которую отвечает врач.

Когда тело накрыли простынёй, из её складок выпал маленький клочок белой ткани. Ирис подняла его машинально и замерла: край был обмётан дешёвой машиной, а нитка торчала так, как бывает на костюмах, собранных в спешке к премьере. Она не успела сказать об этом вслух. Нина аккуратно взяла её под локоть и вывела к окну: «Тебе нужен воздух». Ирис подчинилась, стыдясь, что её занимают швы рядом с мёртвой женщиной.

— Тогда сделаем так, чтобы никто больше не погиб от паники. Дай мне пять минут, я соберу людей.

Мара не заметила, как слово «дай» изменило положение вещей. Отныне нужно было согласовывать с Ниной время, будто она имела право его выдавать.

Люциан резко произнёс:

— Мне нужен мой телефон.

Эмиль поднял карточку и показал на губы. Лицо Люциана потемнело.

— Засуньте свою карточку себе в карман, — сказал он. — И больше не доставайте, пока не приедет полиция.

На полу рядом со стулом лежал тонкий лист с надписью «СВАДЬБА С ТИШИНОЙ». Эмиль смотрел на него пристальнее, чем на мёртвую девушку. Вероятно, надпись объясняла ему происходящее лучше, чем человеческое тело.

Мара попыталась перевернуть Софию, чтобы осмотреть затылок, но Фелл остановил её.

— Тело нельзя перемещать до прибытия специалистов.

— Вы только что сказали, что у вас есть медицинский протокол. Покажите его.

— После консультации с нашими юристами.

Он говорил так, будто смерть юной женщины была спором о возврате денег.

Лена подошла к стене и стала рассматривать маски. Пытаясь отступить, она задела одну носком ботинка. Маска прокатилась по камню и ударилась о ступень с почти смешным звуком дешёвого фарфора. Все вздрогнули; никто не засмеялся.

Ирис уставилась на белое платье. Её взгляд задержался на косом шве под подмышкой. Она потянулась к ткани, но Фелл сказал:

— Не трогайте.

— Я только хотела...

— Не трогайте ничего.

Аида подала Маре маленькую карточку, которую кто-то оставил среди конвертов. На ней было написано: «Первое милосердие совершено. Осталось девять».

— Это преступление, — сказала Мара, глядя Виктору в лицо.

Он не отвёл глаз.

— Преступление, доктор Кесслер, — произнёс он, — начинается с того, что человек считает свои чувства доказательством.

В ту же минуту Мара поняла, какой власти жаждет этот человек: он хочет первым давать названия вещам. Если он назовёт смерть обрядом, остальные начнут искать в ней смысл. Если назовёт помощь нарушением, кто-нибудь остановит того, кто пытается спасти.

На выходе из часовни Мара задержалась и посмотрела на руки Софии. На одном пальце был тонкий след от недавнего пластыря. Кто-то подготовил её к сцене и не стал думать о том, что может случиться после неё.

В комнате Мара достала из чемодана аптечку, открыла её и долго смотрела на бинты. Они казались оскорбительной роскошью. Всё необходимое, чтобы помочь раненому человеку, находилось в здании. И всё-таки сегодня в часовне лежала мёртвая девушка.

По коридору прошёл человек с ведром. Он остановился перед дверью часовни. Раздался плеск воды, затем ровное движение щётки по камню.

Мара подошла к двери и услышала, как кто-то старательно стирает следы прежде, чем приедет полиция.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВОЕ НАРУШЕНИЕ

ГЛАВА 7. СЛЕД ПОД ВУАЛЬЮ

На третий час после обнаружения Софии Фелл всё ещё не назвал имя человека, которому звонил. Он говорил «наши специалисты», «ответственные службы», «процедура», но каждый раз, когда Мара просила показать журнал вызовов, отвечал новым общим словом. Прежде она считала, что язык создан для передачи информации. Здесь язык служил дверью, которую закрывали перед лицом того, кто задавал вопрос.

В столовой собрали оставшихся девятерых. Нина поставила перед каждым стакан с водой. Она не пыталась успокоить словами; просто двигалась от одного к другому, давая рукам заняться делом. Мара замечала эту способность — превращать свою полезность в нечто бесспорное — и оттого ещё меньше хотела подозревать женщину в чём-либо.

— Нам нужно установить, что с ней случилось, — сказала Мара.

— Ты знаешь, что произошло, — возразил Эмиль. — Она

умерла. Остальное — работа полиции.

— Полиция должна иметь возможность приехать.

— У дороги обвал, — вмешался Томас. — Я проверил. Риск большой, но люди спасательной службы умеют работать в таких условиях. Вопрос в том, звонили ли им.

Люциан ударил ладонью по столу:

— Чего же мы ждём? Сломаем шкаф с телефонами.

— Вскрытие сейфов не даст вам сигнала, — произнёс Фелл от входа. — Я повторяю: необходимые извещения сделаны.

Мара отодвинула стул и прошла мимо него к часовне. Её никто не остановил, потому что многие уже поняли: останавливать врача возле трупа — трудная роль для человека, которому хочется считать себя нравственным.

Поздним вечером Мара зашла в помещение для белья. Там стояли две тележки с чистыми простынями, ведро с пахнущей хлором водой и записка на немецком: «Второй ярус не использовать до проверки». В обычной больнице это означало бы неисправный лифт или протечку. Здесь любой технический запрет выглядел продолжением обряда. Мара отодвинула тележку и обнаружила узкий след по полу. По нему недавно передвигали тяжёлую конструкцию, возможно, тот самый стул, на котором нашли Софию.

Она провела пальцем по краю деревянной полки. Там застряла белая нитка. Её нельзя было назвать уликой убийства без сравнения, но место заслуживало внимания. Мара нари-

совала расположение тележек и запомнила, что один из работников пытался отмыть нижний край каменной ступени. Именно под ней осталась капля крови, защищённая от тряпки выступом бетона.

Томас встретил её на лестнице и без всякого приветствия спросил, не умеет ли она оценивать риск выхода в бурю.

— Медицинский — да. Горный — лучше тебя вряд ли.

— Тогда доверься мне хотя бы в одной вещи: снег не делает человека пленником. Пленником его делает страх переступить порог. Снег только усложняет задачу.

Он говорил резко, но без презрения. Рядом с Томасом Мара впервые ощущала, что ответственность можно делить не через моральные приказы, а через реальные навыки. Он умеет смотреть на склон, она — на пострадавшего, Йонас — на звуковую систему. Пока каждому запрещали проверять собственную часть мира, они оставались слепыми.

В коридоре Нина предложила им чай. Мара спросила, где сотрудники комплекса, которых видели в первый вечер. Нина ответила, что они, вероятно, ушли в техническое крыло. «Давайте не будем искать каждого по отдельности», — сказала она. «Лучше сосредоточимся на том, что мы действительно можем сделать». Мара согласилась, однако заметила, как ловко словосочетание «можем сделать» исключило именно то, о чём она спросила.

В нише горела новая свеча. Отвечая на невысказанный вопрос, работник сообщил, что её поставили «согласно прото-

колу». Каменный пол был вымыт. Но между краем ступени и стеной оставалась тёмная точка. Мара присела и увидела запёкшуюся кровь — крохотную, укрытую там, куда щётка не попала.

Кровь могла принадлежать Софии; могла и не принадлежать. Мара не имела лаборатории. Однако тело сидело далеко от ступени, а испачканного подола здесь не хватило бы, чтобы объяснить точку под каменным выступом. Она попробовала представить, как умирающая девушка преодолевает это расстояние сама, и не смогла.

— Вы что-то нашли? — спросила Ирис.

Она стояла за спиной Мары, кутаясь в кардиган. Руки у неё были ободраны в нескольких местах — профессиональные руки костюмера, который привык часто работать иглой.

— Пока не знаю. А ты?

Ирис кивнула на платье.

— Его подогнали ночью. Не по фигуре, по маске. Видишь, под горлом перекося? От иглы осталась необработанная петля. Если человек готовит церемонию смерти, он обычно делает костюм лучше.

— Ты думаешь, кто-то её одел уже мёртвой?

— Я думаю, что одежду приготовили, пока она была жива. Плохо приготовили. В театре так бывает, если репетиция идёт дольше обещанного.

Ирис отступила, испугавшись собственного вывода. Мара почувствовала желание схватить эту тонкую мысль, пока она

не растворилась в общей панике. Но Нина появилась рядом и взяла их обеих под руки.

— Виктор собирает людей. Если нам есть что сказать, лучше сказать это всем. Только не сейчас у тела. Мы ещё не готовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.